

В мире рун

«Калевалы»

Часть I

Ирина Емельянова

Ежегодно, 28 февраля, в Финляндии и Карелии отмечается «День Калевалы». Именно в этот день в 1935 году Элиас Лённрот передал рукопись в типографию. В 1835-1836 годах вышли два тома «Калевалы», напечатанные весьма скромным тиражом – всего 500 экземпляров. Это, с первого взгляда не слишком примечательное издание, было результатом многолетней деятельности одного незаурядного человека, который, вероятно, и не подозревал, какое «культурное цунами» вызовет его скромный труд.

На момент выхода «Калевалы» Финляндия в течение четверти века была авто-

номным Великим Княжеством Российской империи, а до 1809 года она была частью Шведского государства. В период шведского владычества статус финского языка был второстепенным. В школах и университетах употреблялся шведский и латынь. Шведский язык считался официальным, а финский – языком простого народа, на финском языке практически ничего не издавалось, кроме текстов законов и духовной литературы.

В Российской империи (1809-1917 гг.) Финляндия занимала особое положение. Находясь между Швецией и Россией, она вынуждена была выполнять роль форпоста в обеспечении безопасности на северо-вос-

В Российской империи (1809-1917 гг.) Финляндия занимала особое положение. Находясь между Швецией и Россией, она вынуждена была выполнять роль форпоста в обеспечении безопасности на северо-восточных границах новой страны-хозяина. С другой стороны финны благодаря своему автономному положению смогли, наконец, ощутить себя отдельной нацией.

← Вяйнямёйнен играет на кантеле. Худ. Роберт Экман. 1866 г.
Студенческое общество Хельсинкского университета, Хельсинки.

Хенрик Габриель Портан. Худ. Пер Краффт Старший. Около 1788 г. Королевская Академия, Стокгольм.

Справа:

Вяйнямейнен играет на кантеле.
Рельеф. Скульптор Эрик Кайнберг. Около 1814 г. Гипс. 130x285 см.
Старое здание университета в Турку.

Внизу:

Титульный лист первого тома диссертации Х.-Г. Портана «Финская поэзия» (1766-1778 гг.)
Библиотека Хельсинского университета.

точных границах новой страны-хозяина. С другой стороны финны благодаря своему автономному положению смогли, наконец, ощутить себя отдельной нацией. С Петербургом завязались новые культурные связи, но граница не была закрыта и в сторону бывшей метрополии.

Интеллектуальным центром страны еще с XVII века был первый финский университет, основанный в 1640 году в городе Турку (ныне – Хельсинский университет). Несмотря на то, что более полутора веков обучение там происходило на шведском языке, университет всегда оставался колыбелью национальной культуры и науки. Уже в конце XVIII века среди студентов университета начали распространяться идеи европейского романтизма, основанные на поисках национальной самобытности, истоки и основы которой виделись в далеком прошлом страны. На этой почве возникли идеи развития национальной культуры, изучения родного языка, собирания и издания фольклора. К началу XIX века идеи романтизма получали все большее влияние. Молодые романтики из Турку понимали, что сила небольшого народа заключается в своеобразии его языка и культуры, которые являются важнейшим инструментом его дальнейшего развития. В духе романтизма были созданы и первые национальные произведения искусства.

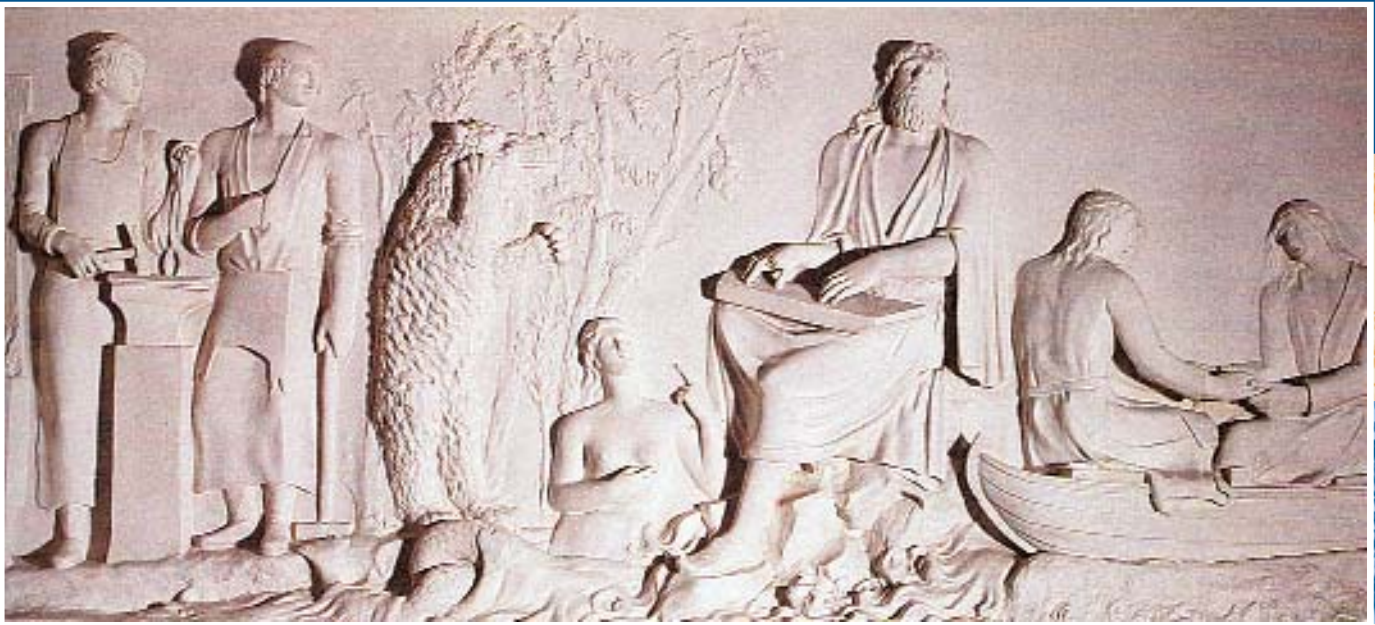
Таким образом, появление «Калевалы» было не случайным, а скорее закономерным и ожидаемым событием. Она стала поворотным моментом для финноязычной культуры и вызвала большой интерес за рубежом. «Калевала» укрепила среди финнов веру в широкие возможности собственного языка и культуры. В Вяйнямейнене,

центральном герое рун, видели символ национального возрождения. Именно «Калевала» сделала маленький народ известным другим народам Европы. Финны, наконец, получили свой национальный эпос, ставший стержнем национальной культуры, неотъемлемой частью самосознания и символом борьбы за самоопределение.

ЭЛИАС ИЗ САММАТТИ

Элиас Лённрот родился 9 апреля 1802 года в местечке Самматти на юго-западе Финляндии (бывшая Нюландская губерния) в семье портного Фредрика Юхана Лённрота. В семье было семеро детей. Уже в раннем детстве

проявилась талантливость Элиаса. Он научился читать в пятилетнем возрасте, и книги стали его самой большой страстью. Среди окружающих постоянное стремление Элиаса к чтению книг порождало легенды и анекдоты. Сохранился рассказ о том, как одна из соседок Лённротов будила своих детей: *«Вставайте, Элиас Лённрот уже давно слез с дерева со своими книжками!»* По другому преданию Элиас однажды проголодавшись, попросил хлеба, которого у матери тогда не оказалось. *«Хорошо, тогда я почитаю»*, заявил мальчик.

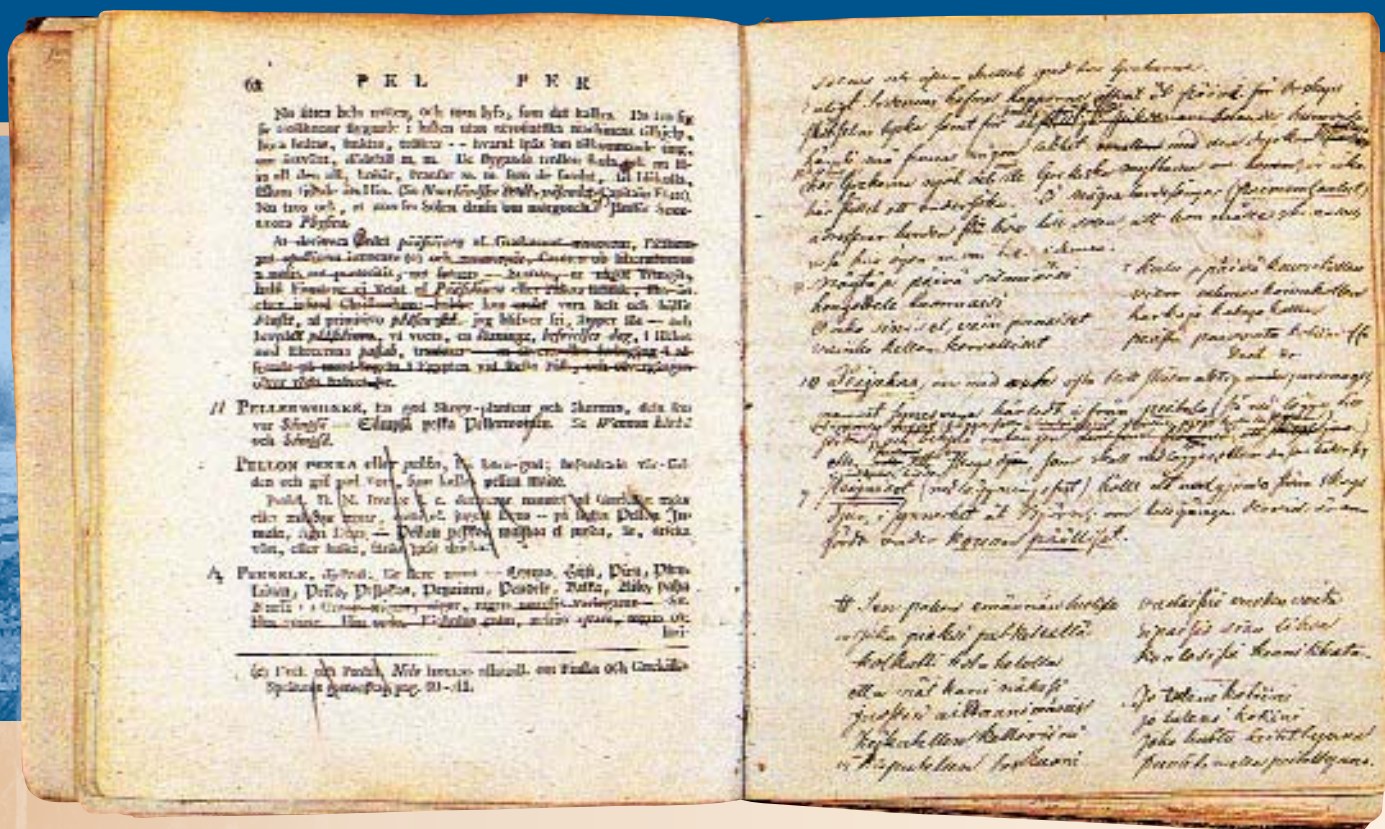
Несмотря на бедность, родители Элиаса решили отправить его в школу. Он начал ходить в шведскую школу с двенадцати лет, но учился с перерывами, поскольку вместе с отцом вынужден был добывать средства на жизнь. В основном это было портновское мастерство, но благодаря хорошему слуху и голосу Элиас зарабатывал еще и в качестве бродячего певца и псалмопевца. Впрочем, это не мешало ему заниматься самообразо-

ванием. Обладая прекрасной памятью и усидчивостью, он самостоятельно изучил латынь, что позволило ему стать учеником аптекаря в Хямеенлинна.

В 1822 году Лённрот поступил в университет в Турку на филологический факультет, но все время вынужден был подрабатывать домашним учителем в богатых семьях. В университете Лённрот, как было тогда принято, обучался нескольким специальностям. Он проходил курсы латыни, греческого, истории и литературы. Во время учебы Лённрот вошел в круг преподавателей и студентов, увлеченных национальной идеей. Основной своей задачей они видели развитие родного языка.

В 1824-1828 годах он жил в семье профессора медицины Й.А.Тёрнгрена. Тёрнгрены проводили лето в своем имении Лаукко недалеко от города Тампере. Здесь-то Элиас Лённрот и увлекся народной поэзией. В окрестностях Лаукко он записал несколько вариантов народной баллады «Гибель Элины»

Среди окружающих постоянное стремление Элиаса к чтению книг порождало легенды и анекдоты. Сохранился рассказ о том, как одна из соседок Лённротов будила своих детей: *«Вставайте, Элиас Лённрот уже давно слез с дерева со своими книжками!»* По другому преданию Элиас однажды проголодавшись, попросил хлеба, которого у матери тогда не оказалось. *«Хорошо, тогда я почитаю»*, заявил мальчик.

Архив рукописей Рейнхольда фон Беккера.
Финское литературное общество.

Рейнхольд фон Беккер (1788-1858 гг.) – финский писатель и лингвист, известный исследователь финских диалектов. Беккер одним из наставников Лённрота.

и на их основе создал свой вариант – целую поэму о любви, верности и коварстве. Здесь же, в имени профессора Тёрнгрена, Лённрот познакомился с профессором-историком Рейнхольдом фон Беккером. Под его руководством он стал читать труды ученого-историка Х.Г. Портана и его соратника К. Ганандера о народной мифологии и поэзии, сборники З. Топелиуса-старшего.

Первым шагом Лённрота к «Калевале» была его диссертация «Вяйнямёйнен, божество древних финнов», которую он защитил

в 1827 году. В том же году диссертация была издана на латинском языке. После этого Лённрот продолжил свое обучение медицине и в 1832 году получил диплом врача.

В 1827 году Финляндию постигла катастрофа: столица страны город Турку сгорел дотла. Обучения в университете в 1827-1828 годах не проводилось. Поэтому Лённрот провел всю зиму, работая домашним учителем в Весилаhti. Мысль о поездке в Карелию для сбора рун зародилась именно в это время: из различных изданий по

Первым шагом Лённрота к «Калевале» была его диссертация «Вяйнямёйнен, божество древних финнов», которую он защитил в 1827 г. В том же году диссертация была издана на латинском языке. После этого Лённрот продолжил свое обучение медицине и в 1832 году получил диплом врача.

Карл Аксель Готтлунд. Роберт Экман. 1829 г.
Национальный музей Финляндии, Хельсинки.

фольклору он выяснил, что именно Восточная Финляндия и, в особенности, находящаяся на русской стороне Беломорская Карелия – это те местности, где еще живут старые песни.

В ПОИСКАХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Древние формы песенной поэзии, основанные на своеобразном четырехдольном, использующем внутренние словесные ударения стихотворном размере, бытовали на территории расселения прибалтийско-финских племен около двух тысяч лет.

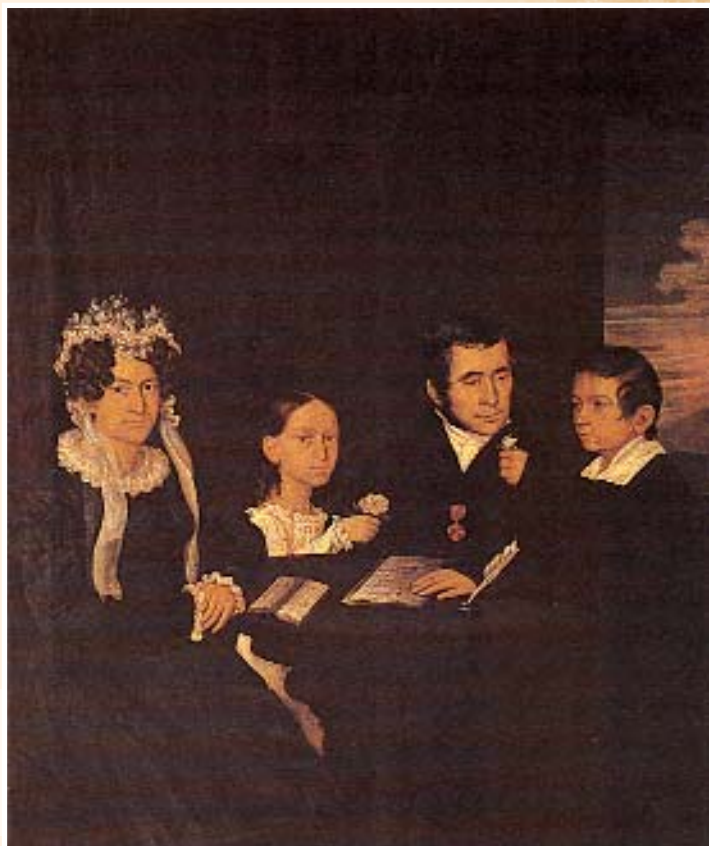
Существует гипотеза о том, что в культуре проживавших в районе Финского залива прафинских племен около 2500-3000 лет назад произошел большой перелом. Вследствие его родилась самобытная манера стихосложения, для которой были свойственны аллитерация внутри строки и параллелизм, а также отсутствие деления на строфы. Строки стиха образовывали определенный четырехтактный размер, который стали называть калевальским размером. Музыкальная строфа по своему ритму была чаще всего четырех или пятидольной, а мелодии составляли специфический пятитоновый лад.

Традиционная народная поэзия состоит из элементов, отражающих разное истори-

ческое время. Наиболее ранний пласт ее составляют мифологические по своему содержанию руны, которые рассказывают об изначальном времени и сотворении мира и человеческой культуры. Главным героем эпических рун часто выступает могущественный шаман, певец и прорицатель, духовный предводитель племени, который совершает путешествия за знаниями в мир мертвых. Герои песен также отправляются в заморскую страну Похьёла, где они сватают дев или пытаются отвоевать богатства, которыми славится эта северная страна.

Лирические песни передавали личные чувства человека. Ритуальная поэзия концентрировалась в основном вокруг свадебного ритуала и медвежьего праздника. Заклинания калевальского размера были вербальной магией т. е. магией слова, которая использовалась в повседневной жизни человека.

Старинные руны бытовали на территории всей Финляндии до XVI века. После реформации лютеранская церковь запретила их использование, заклеив всю старую песенную традицию как языческую. В то же время новые, с запада идущие музыкальные течения закреплялись на финской почве.

Захариас Топелиус с семьей.
Худ. В. Карстенс. Первая половина XIX в.
Национальный музей Финляндии, Хельсинки.

Исконная песенная традиция стала угасать, вначале в западной части страны, а впоследствии и в других местах. Некоторые песни были записаны еще в XVII веке, но большая часть была собрана только в 1800-е годы.

В Виена, т.е. Беломорской Карелии (северных районах современной Республики Карелия) традиционная калевальская поэзия дожила до наших дней.

Летом 1828 года Лённрот принимает решение отправиться в Карелию и в провинцию Саво записывать народную поэзию. В течение всего лета он бродил по глухим, болотистым, подчас едва проходимым дебрям Карелии, жил в нищих избах карельских крестьян, питавшихся в голодные годы лепешками из сосновой коры. Разложив на коленях, на деревянной дощечке, которую

В течение всего лета он бродил по глухим, болотистым, подчас едва проходимым дебрям Карелии, жил в нищих избах карельских крестьян, питавшихся в голодные годы лепешками из сосновой коры. Разложив на коленях, на деревянной дощечке, которую он всюду брал с собой, свои письменные принадлежности, Лённрот записывал народные сказания, выискивая стариков, знаменитых на деревне своим исполнением рун.

← Субботний вечер, Финляндия.
Худ. Альберт Эдельфельт. 1885 г.
Государственный художественный музей,
Копенгаген.

Карельские рунопевцы.
Фотография Акселя Бернера. 1872 г.

он всюду брал с собой, свои письменные принадлежности, Лённрот записывал народные сказания, выискивая стариков, знаменитых на деревне своим исполнением рун. Сам он и манерами и одеждой мало отличался от тех же крестьян. Современники описывают его некулюжим и добродушным человеком в длинном сюртуке из грубого сукна, в дешевой крестьянской обуви, с багрово-красным, обветренным от постоянного пребывания на свежем воздухе лицом.

Вернувшись осенью в Лауко с большим багажом записей (всего около 6000 строк), из которых большую часть составляли заклинания и эпические руны, Лённрот занялся подготовкой накопленных материалов для печати. Результатом первой поездки стал сборник «Кантеле» (1829-1831 гг.), песни которого представляют собой его собственные варианты, скомпонованные из фольклорного материала.

В то время он еще продолжал учиться в переведенном в Хельсинки университете, но его самым любимым занятием стала работа над текстами старинных рун. Он относился к той небольшой группе образованных людей своего времени, стремлением которых было не только записывать старый фольклор, но и расширить использование финского языка в целом.

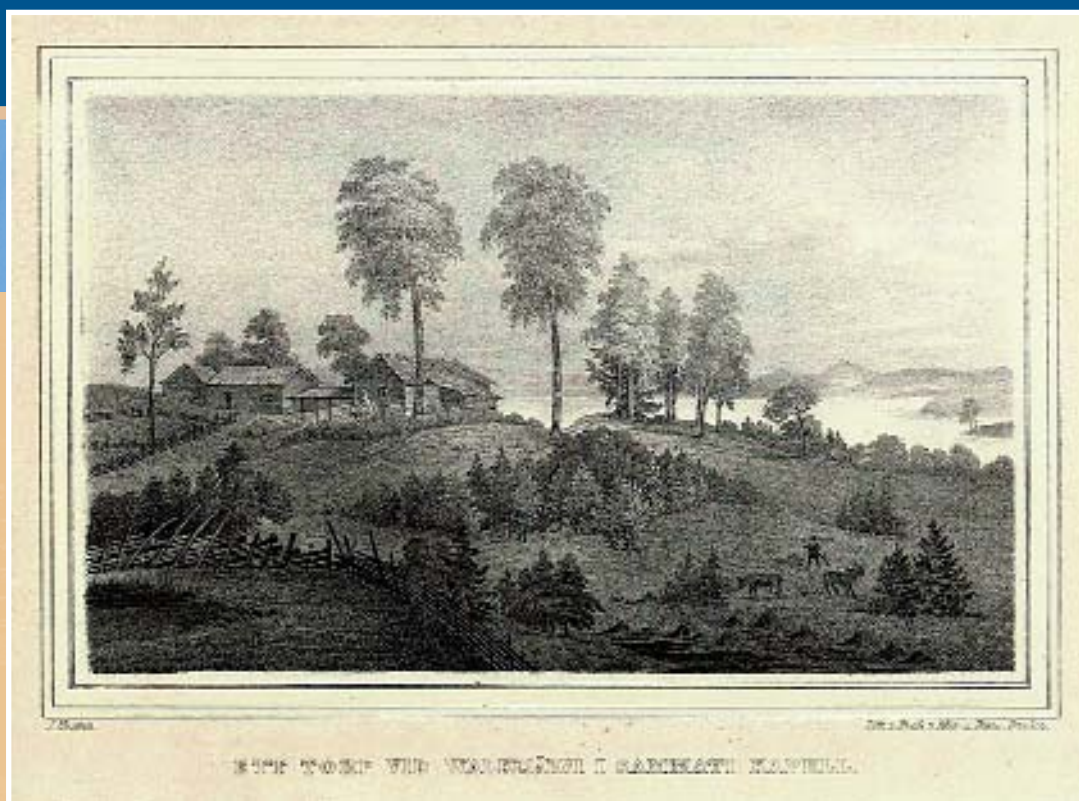
Эти цели ставило перед собой образованное в 1831 году Финское литературное общество. Лённрот стал его первым секретарем и на долгое время также самым активным членом. Одним из первых задач Общества было финансирование поездки Лённрота в Беломорскую Карелию с целью записи рун. Эту экспедицию, тем не менее, пришлось прервать: как и все врачи, собиратель рун был мобилизован на борьбу с эпидемией холеры. Следующим летом, в 1832 году, поездка все-таки состоялась, и Лённрот записал около 3000 строк заговорной и эпической поэзии. За время второго путешествия он, перейдя границу через Колвасъярви, посетил Реболы, Каскеснаволок, Минезеро и Бабью Губу (оз. Каменное) и через Лендеры вернулся в Финляндию – Каяни, Куопио, Порвоо, Хельсинки.

Здесь необходимо напомнить, что Лённрот был далеко не первопроходцем в деле

собирания и изучения народных рун. Рейнхольд фон Беккер, будучи издателем еженедельной газеты в финском городе Або, еще в 1820-х годах начал печатать в своей газете записи рун, певшихся крестьянами. Несколько записанных рун издал в 1822-1835 годах губернский врач Захария Топелиус-старший (отец знаменитого писателя и поэта). Все эти публикации были с огромным интересом встречены финской интеллигенцией и студенческим сообществом. Именно Топелиус первый заметил, что искать руны надо на востоке, в Российской Карелии или Виена (Vienna), как ее называют финны. Беккер первый выразил догадку, что древние руны – это разрозненные части первоначального целого, связанные общностью темы и героев. И Элиасу Лённроту в его странствиях по глухим карельским деревушкам часто приходилось вспоминать эти два указания его предшественников.

В 1833 году Лённрот занял должность врача в маленьком и отдаленном городке Каяни. Отсутствие оставшихся в Хельсинки единомышленников заменяла близость песенных краев Беломорской Карелии. Тогда же родился и новый план издания рун.

Коттедж Пайккари, Саммати. Литография по рисунку Й. Кнутсона. 1845 г.

Считается, что на этой литографии изображен дом в Саммати, где родился и провел детство Элиас Лённрот.

Лённрот поставил себе задачу издать песни отдельными, группирующимися вокруг главных героев, циклами.

Четвертая собирательская поездка, состоявшаяся в 1833 году, стала с точки зрения истории рождения «Калевалы» поворотным моментом. Из Каяни Лённрот отправился в русскую Карелию через Вуоки, Каменное, на Войницы и Вокнаволок (оз. Верхнее Куйто), а через Каменное озеро возвратился домой. В деревнях Виена он смог воочию

убедиться насколько жива там была песенная традиция.

После экспедиции 1833 года были подготовлены рукописи поэм об отдельных героях «Лемминкяйнен», «Вяйнямёйнен» и «Свадебные песни». Они, тем не менее, не удовлетворяли Лённрота. Задачей его было создание цельной поэмы, прообразом которой были «Илиада» и «Одиссея» Гомера, а также древнескандинавская «Эдда».

Дом-музей Лённрота

Коттедж Пайккари расположен в живописном месте с видом на озеро Валкьярви. Он был построен Фредриком Юханом Лённротом примерно в 1800 году. Первоначально в доме была только одна комната. Спальня и гостиная были пристроены позднее старшим баром Элиаса, Хенриком Юханом, который купил дом у отца в 1825 году и прожил здесь до своей смерти в 1838 году. В собственности семьи Лённрот дом оставался до 1875 года, после чего он попал в чужие руки и постепенно обветшал. В 1889 году финский сенат принял решение сохранить коттедж Пайккари в первоначальном виде в память о жившем здесь «великом финне» Элиасе Лённроте. В 1895 году коттедж купил профессор Теодор Хомен, сумевший получить государственную дотацию на ремонт дома. Благодаря дочери Хенрика Лённрота, Миине, удалось достать кое-что из старой мебели и мемориальных вещей семьи, а также дополнить интерьер подходящими предметами эпохи. В начале XX века дом открылся для публичных посещений, а в 1928 году стал государственным музеем.

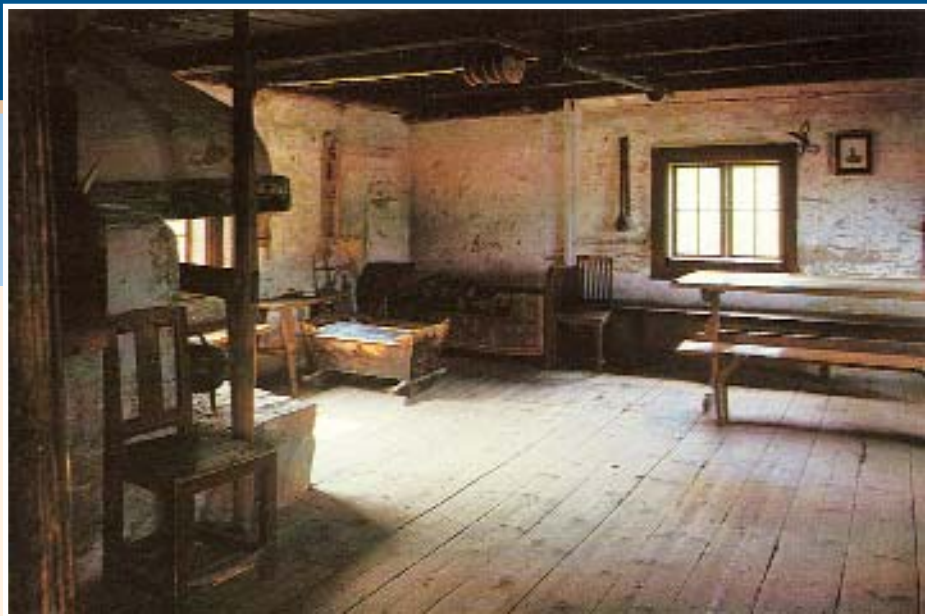
Коттедж Пайккари – типичный дом небогатой семьи Юго-Западной Финляндии. В XIX – начале XX века такие жилые здания были широко распространены в этом регионе. Из других построек сохранился только сарай, но когда-то здесь был еще и коровник, располагавшийся между коттеджем и озером.

Гостиная в коттедже Пайккари,
Саммати. Современный вид.

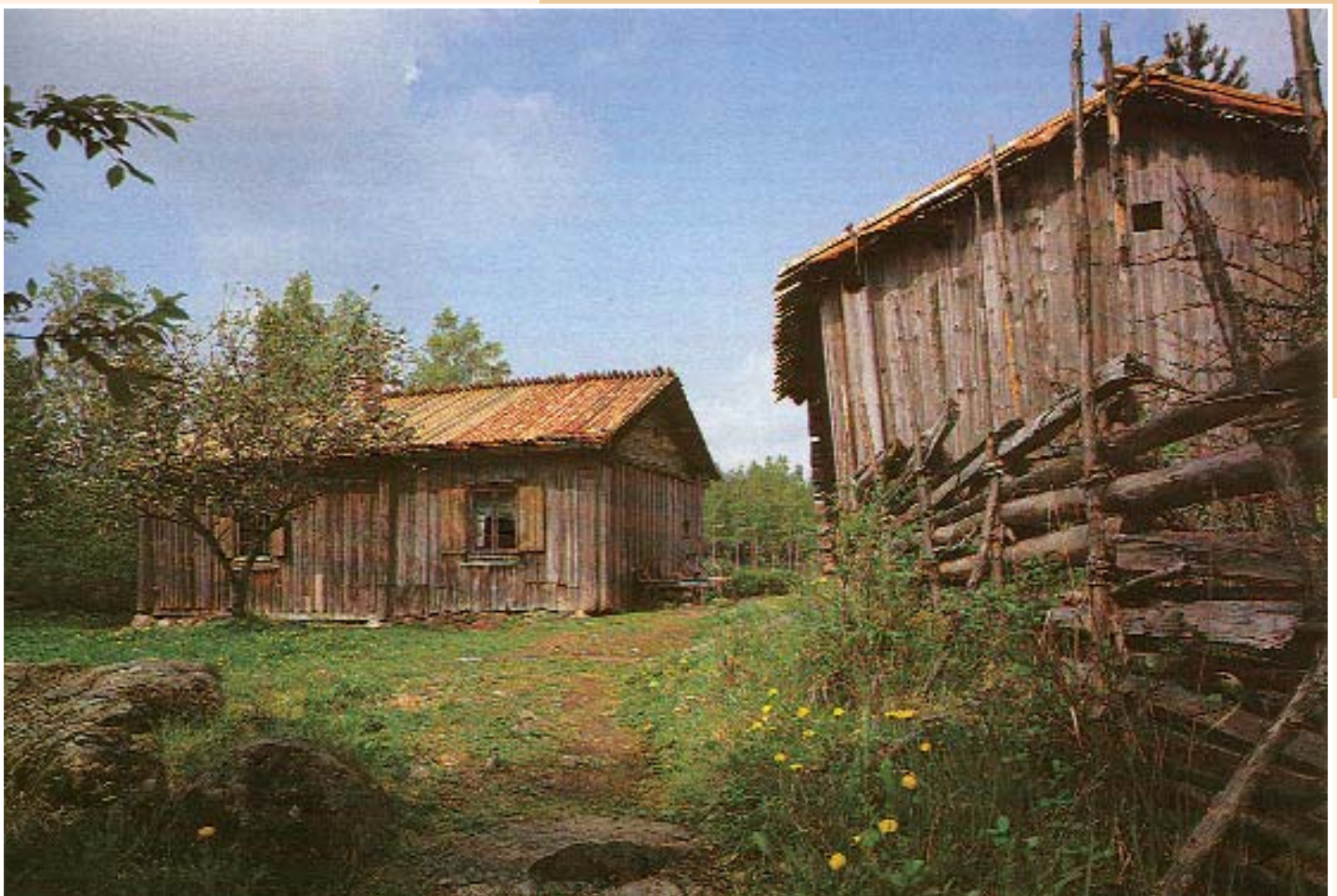
Внизу:
Коттедж Пайккари в Саммати.
Современный вид.

РОЖДЕНИЕ «КАЛЕВАЛЫ»

Мысль о возможности составления из карельских и финских народных песен некой целостности (свода, эпоса) имеет длительную историю. Пожалуй, первым ее выразил финский просветитель Х.Г. Портан в конце XVIII века. Он предположил, что все народные песни происходят из единого источника, что они согласуются между собой по главному содержанию и основным сюжетам и что, сравнивая их варианты друг с другом, можно возвращать их к более цельной и подходящей форме. Он же пришел к заключению, что финские народные песни мож-

Задачей Лённрота было создание цельной поэмы, крупномасштабного эпоса, прообразом которой были «Илиада» и «Одиссея» Гомера, а также древнескандинавская «Эдда».

Пение «Калевалы». Финская открытка конца XIX в.

но издать так же, как «Песни Оссиана» шотландского поэта Д. Макферсона (1736-1796). Портан не знал, что Макферсон издал свои собственные стихи под видом песен древнего слепого певца Оссиана.

Идея Портана в начале XIX века приобрела форму социального заказа, выражающего потребности финского общества. Известный языковед, фольклорист, поэт К.А. Готтлунд, еще будучи студентом, в 1817 году писал о необходимости развития «отечественной литературы». Он был уверен в том;

что если бы из народных песен пожелали сформировать упорядоченную целостность, будь то эпос, драма или что-нибудь другое, то родился бы новый Гомер, Оссиан или «Песнь о Нибелунгах».

Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» были хорошо известны Лённроту уже в юности. Имя Гомера он называет в своих дневниках, запечатлевших его первое путешествие в 1828 году. Несомненно, он был знаком и с теорией немецкого ученого Ф.А. Вольфа, согласно которой гомеровские поэмы – это

В Финляндии начала XIX в. происходит подъем финского национального самосознания. Толчком к этому послужило отторжение от Швеции и присоединение к России в 1809 г., когда многовековое владычество «великой державы» закончилось. Появились возможности для самостоятельного развития нации, ее культуры и языка. Ведь до этого финская литература в основном создавалась на шведском языке.

Карикатура на Элиаса Лённрота.
Худ. А.В. Линсен. 1847 г.

Внизу:
Вид Каяни. Гравюра XIX в.

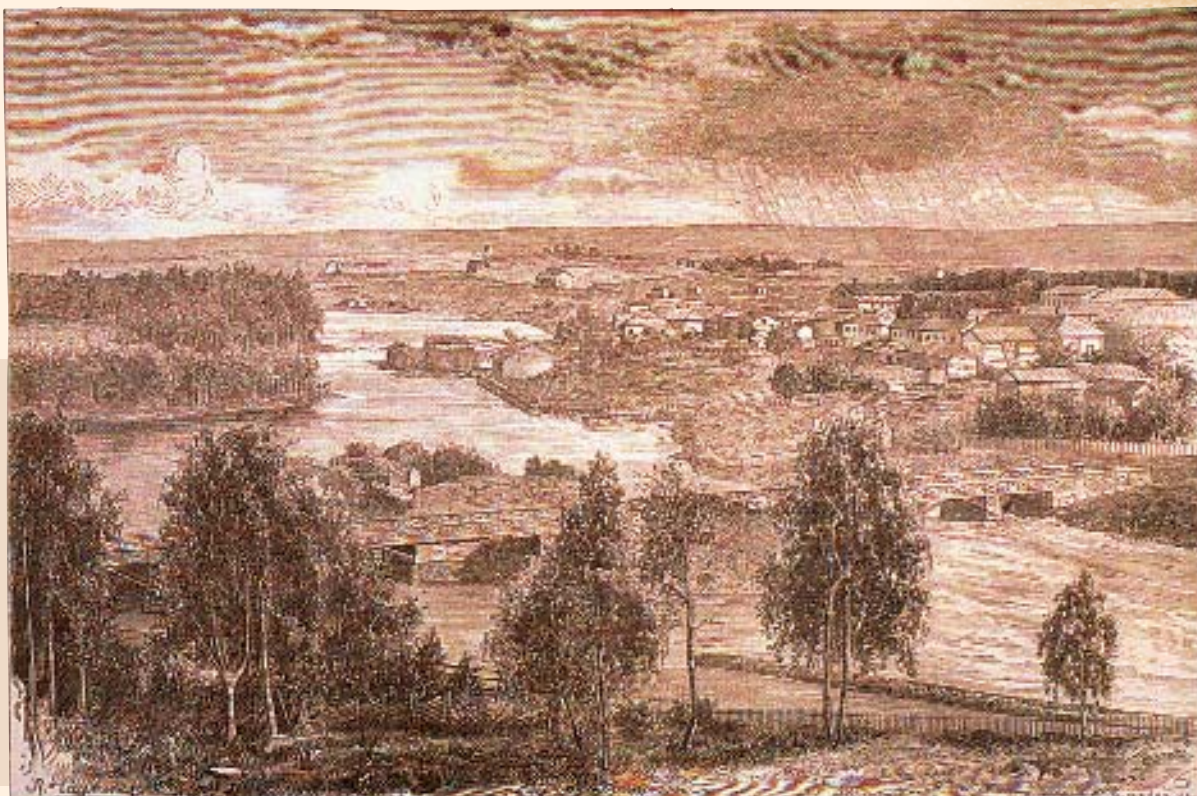
результат позднейшей работы составителя или составителей над песнями, до этого существовавшими в устной традиции.

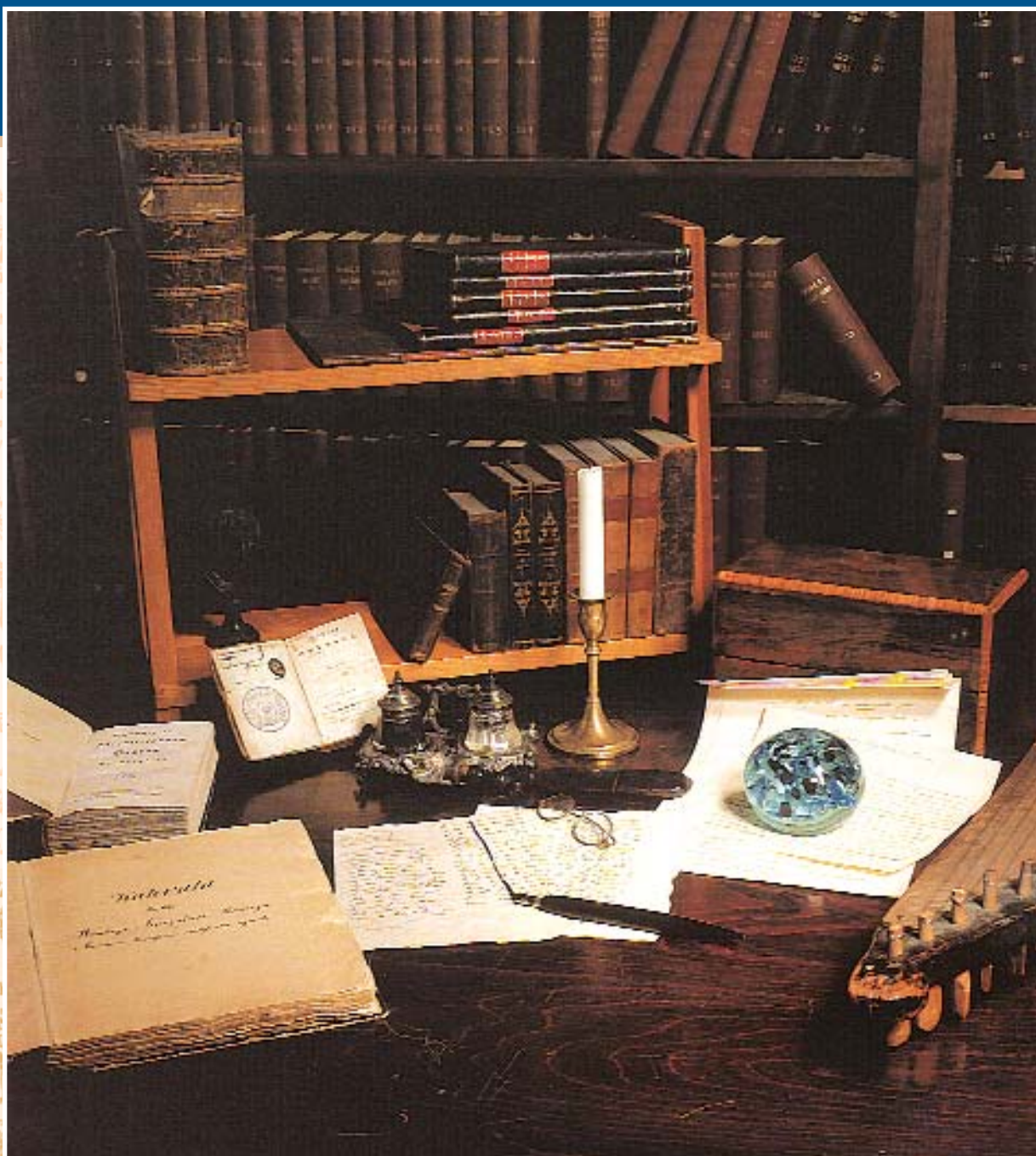
Потребность в произведении, подобном «Илиаде» или «Песне о Нибелунгах», вызывалась несколькими причинами. В Финляндии начала XIX века происходит подъем финского национального самосознания. Толчком к этому послужило отторжение Финляндии от Швеции и присоединение к России в 1809 году, когда многовековое владычество «великой державы» закончилось. Появились возможности для самостоятельного развития нации, ее культуры и языка. Ведь до этого финская литература в основном создавалась на шведском языке. Лишь некоторые поэты (Я. Ютейни, Каллио) писали финно-язычные стихи, используя метрику финской народной поэзии.

Интерес к фольклору в эти годы значительно возрастает. Наряду с Э. Лённротом, народную поэзию собирают М. Кастрен, Й. Каян, Д. Эвропеус, Г. Рейн, Р. Полен. А. Шё-

фен. А. Алквист и многие другие. Делаются все новые и новые открытия. Позднее становятся известными целые рунопевческие династии, как в Финляндии, так и в соседней Карелии (Сиссонены, Шемейкки, Перттунены, Малинены). Все это вдохновляло Лён-

нрота в его стремлении воссоздать народный эпос.

Кроме того, складывающаяся финская нация нуждалась в произведении, которое рассказывало бы о великом прошлом народа, показывало бы его столь же великое будущее. Народная поэзия в той или иной форме отражала эти моменты.

К идее создания единого эпоса Элиас Лённрот приходит постепенно. Первой попыткой объединить разрозненные песни стало «Собрание песен о Вяйнямёйнене» (5052 строки). Оно состояло из шестнадцати «песней» (iulanto), связанных между собой. В нем уже были и главные эпизоды и герои будущей «Калевалы». В предисловии

к «Собранию» Лённрот показал читателю методику своей работы: *«Едва ли прочтешь хотя бы одну из опубликованных здесь песен, которая не была бы составлена из рун, взятых по крайней мере от пяти-шести рунопевцев и соединенных между собой!»*

Конечно, нельзя принимать слова «составлена из рун» прямолинейно, механически. Лённрот брал из отдельных народных песен лишь фрагменты и строки, которые удовлетворяли его эстетический вкус и ложились в сюжет поэмы о Вяйнямёйнене. По свидетельству финского ученого Вяйно Кауконена, исследовавшего буквально построчно обе версии «Калевалы», 1835 и 1849 годов,

Слева:
Рабочий стол фольклориста в середине 1800-х гг.
Финское литературное общество.

Рукопись «Калевалы» Лённрота. 1832 г.
Фольклорный архив Финского литературного общества.

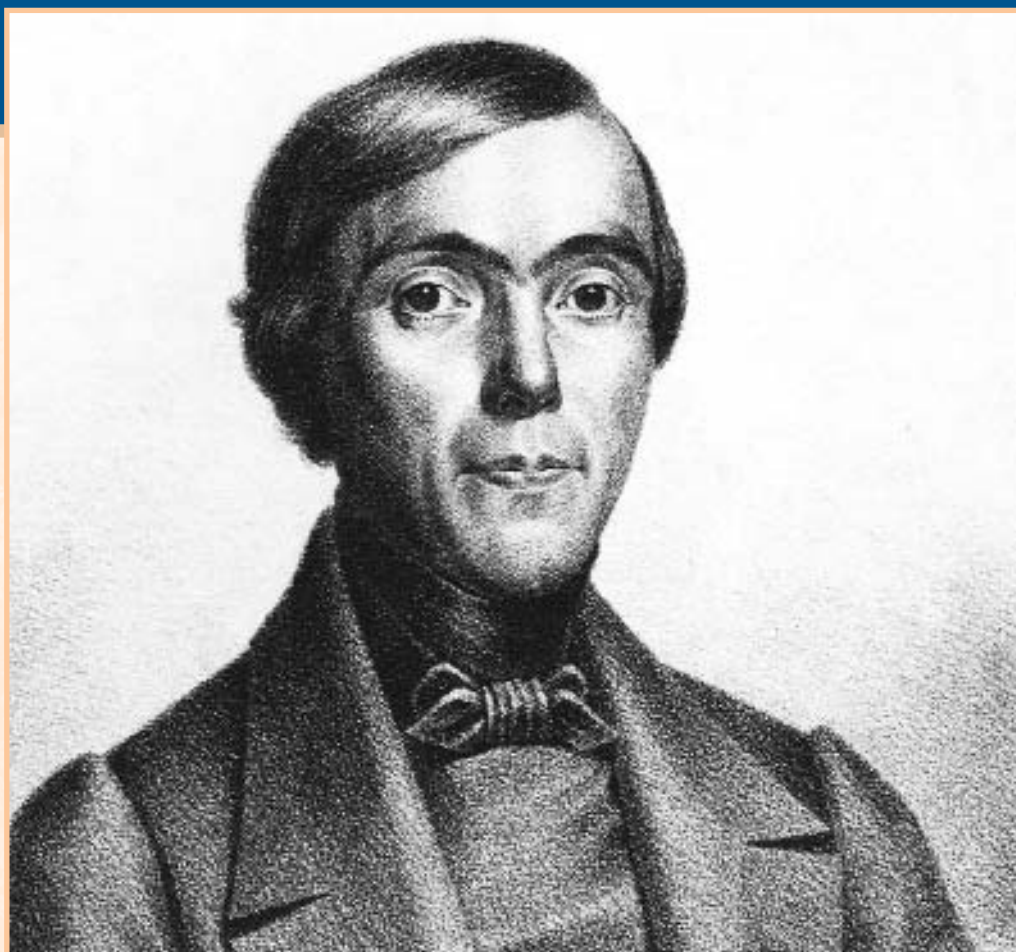
Лённрот вносил в текст «Собрания песен о Вяйнямёйнене» так много дополнений и изменений во все его части, что вряд ли найдется хотя бы пять – десять строк подряд, взятых из конкретной народной песни и сохранившихся в первоначальном виде.

«Собрание песен о Вяйнямёйнене», переданное Лённротом в 1834 году для публикации, было напечатано отдельной книжкой лишь в 1928 году. Сам Лённрот остановил публикацию поэмы, поскольку весной

1834 года записал в беломорской Карелии еще 13 200 строк песен от А. Перттунена, М. Карьялайнена, Ю. Кеттунена, С. Мийхкалинена, В. Сиркейнена и Матро (фамилия сказительницы осталась неизвестной). Этот материал побудил его к новым размышлениям и поискам более четкого и сложного сюжета.

Пятая экспедиция Лённрота, совершенная им в апреле 1834 года, стала наиболее удачной и плодотворной. В округе Вуоккиниemi

Пятая экспедиция Лённрота стала наиболее удачной и плодотворной. В округе Вуоккиниemi тогдашней Архангельской губернии (ныне – Калевальский район республики Карелия), в местечке Латварви он познакомился с восьмидесятилетним старцем Архимом Перттуненом, который оказался самым большим мастером-исполнителем из встреченных им рунопевцев, «патриархом певцов рун».

тогдашней Архангельской губернии (ныне – Калевальский район республики Карелия), в местечке Латварви он познакомился в восьмидесятилетнем старцем Архипом Пертуненом, который оказался самым большим мастером-исполнителем из встречен-

ных им рунопевцев, «патриархом певцов рун». С его слов Лённрот записал шестьдесят рун, лучших по художественным достоинствам и довольно больших по объему. Отец Архипа тоже был выдающимся певцом. Много песен знала и его сестра. Сын Архипа

Вверху:
 Портрет Элиаса Лённрота.
 Рисунок Г. Будковского.
 1845 г.
 Финское литературное общество.

Первое издание
 «Калевалы» 1835 г.

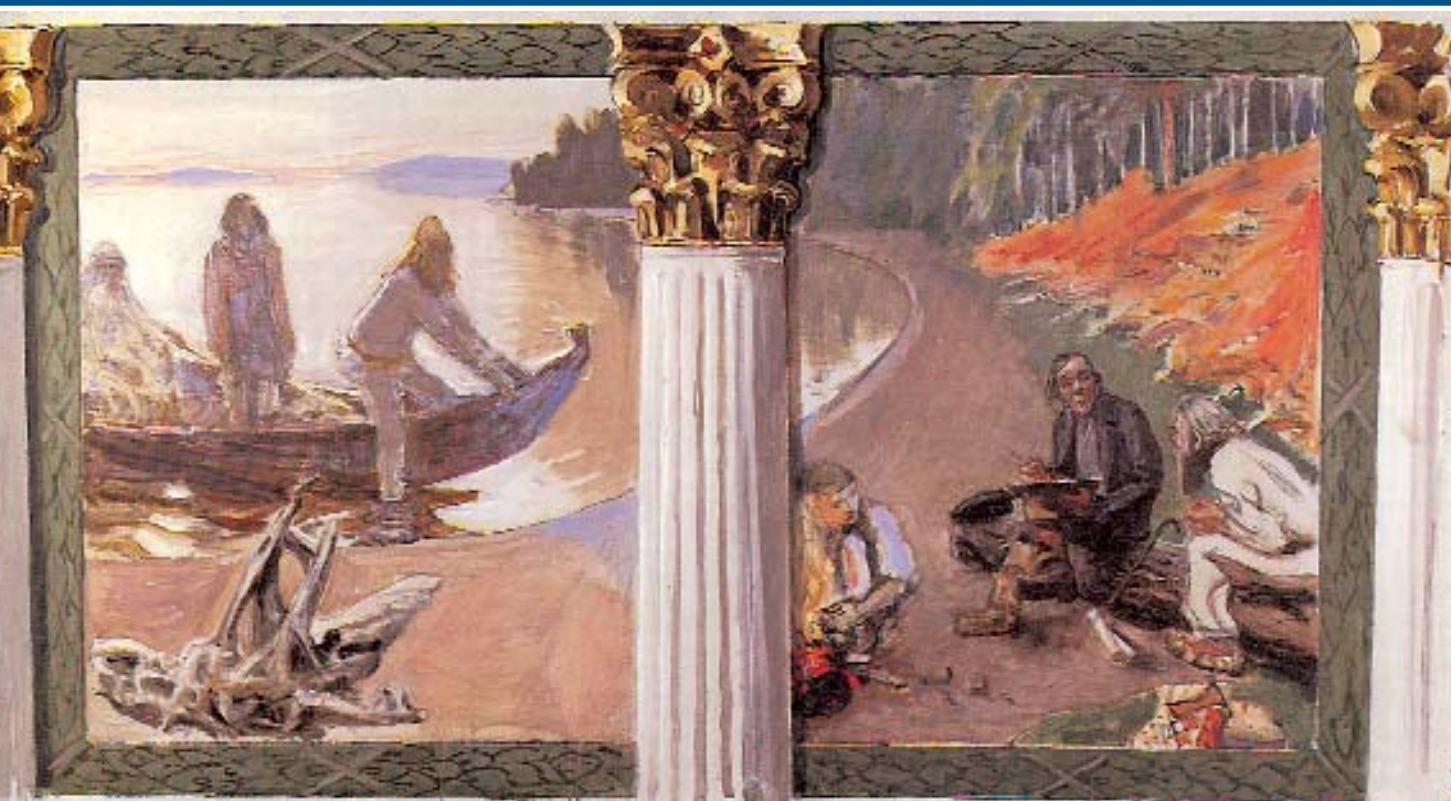
Илмаринен выковывает Сампо. Худ. Берндт Абрахам Годенхем. 1873 г.
Финское литературное общество.

– Михаил – впоследствии стал отличным певцом; от него записано около семидесяти рун.

Согласно старинным обычаям, на крестьянских празднествах и сходках постоян-

но исполнялись древние руны и зачастую специально приглашались лучшие певцы. Два певца – запевала и помощник – сидели обычно друг против друга или рядом, держась за руки. Они пели, мерно

Два певца – запевала и помощник – сидели обычно друг против друга или рядом, держась за руки. Они пели, мерно покачиваясь в такт песне. Запевала начинал каждую строфу один, а к концу строфы к нему присоединялся помощник, который затем повторил всю строфу. Иногда пение рун сопровождалось игрой на кантеле.

покачиваясь в такт песне. Запевала начинал каждую строфу один, а к концу строфы к нему присоединялся помощник, который затем повторил всю строфу. Иногда пение рун сопровождалось игрой на кантеле.

У кого эти народные певцы учились своим рунам? Чаще всего у родителей, хранивших эти руны в памяти как поэтическое наследие предков. Многие слышали их от своих отцов на охоте и рыбной ловле. Так, например, старый Архип Перттунен рассказывал Лённроту о своей молодости, когда он бывал вместе со своим покойным отцом на рыбалке: *«Когда мы рыбачили, то отдыхали на берегу озера Лапукка возле костра – вот где вам нужно было бы побывать! У нас был помощником один местный житель, тоже хороший певец, хотя и не мог сравниться с покойным отцом. Целыми ночами они пели у костра, держась за руки, и никогда в одну ночь не пели дважды одной*

руны. Я, мальчишка, сидел и слушал и выучил так свои лучшие песни».

Дети из поколения в поколение перенимали руны от своих родителей, и старые руны сохранялись довольно хорошо. Но наряду с этим происходили изменения в тексте рун при их распространении из одной местности в другую. Этот процесс описан Леннротом в предисловии к «Калевале» следующим образом: *«На празднествах или иных сходках кто-нибудь слышит новую песню и старается запомнить ее. Распевая ее при случае перед новыми слушателями, он точнее помнит само содержание, чем дословно все обороты. Те места, которые он не запоминает дословно, он пересказывает своими словами, иногда, возможно, даже более красивыми, чем раньше, и если он забывает какую-нибудь мелочь, то, очевидно, чем-нибудь восполняет это. Таким же образом поступают с пес-*

К сожалению, период высшего расцвета героико-эпических рун уже миновал к тому времени, когда Лённрот начал свою собирательскую деятельность. Почти все пожилые рунопевцы уверяли, что в их молодости певалось больше старых прекрасных рун, и сожалели, что большую часть из них они забыли.

Слева:

Элиас Лённрот и рунопевец.
Эскиз фрески.

Худ. Аксели Галлен-Каллела. 1913 г.

Справа:

Вековой лес (Дикая земля Карелии).

Худ. Пекка Халонен. 1899 г.

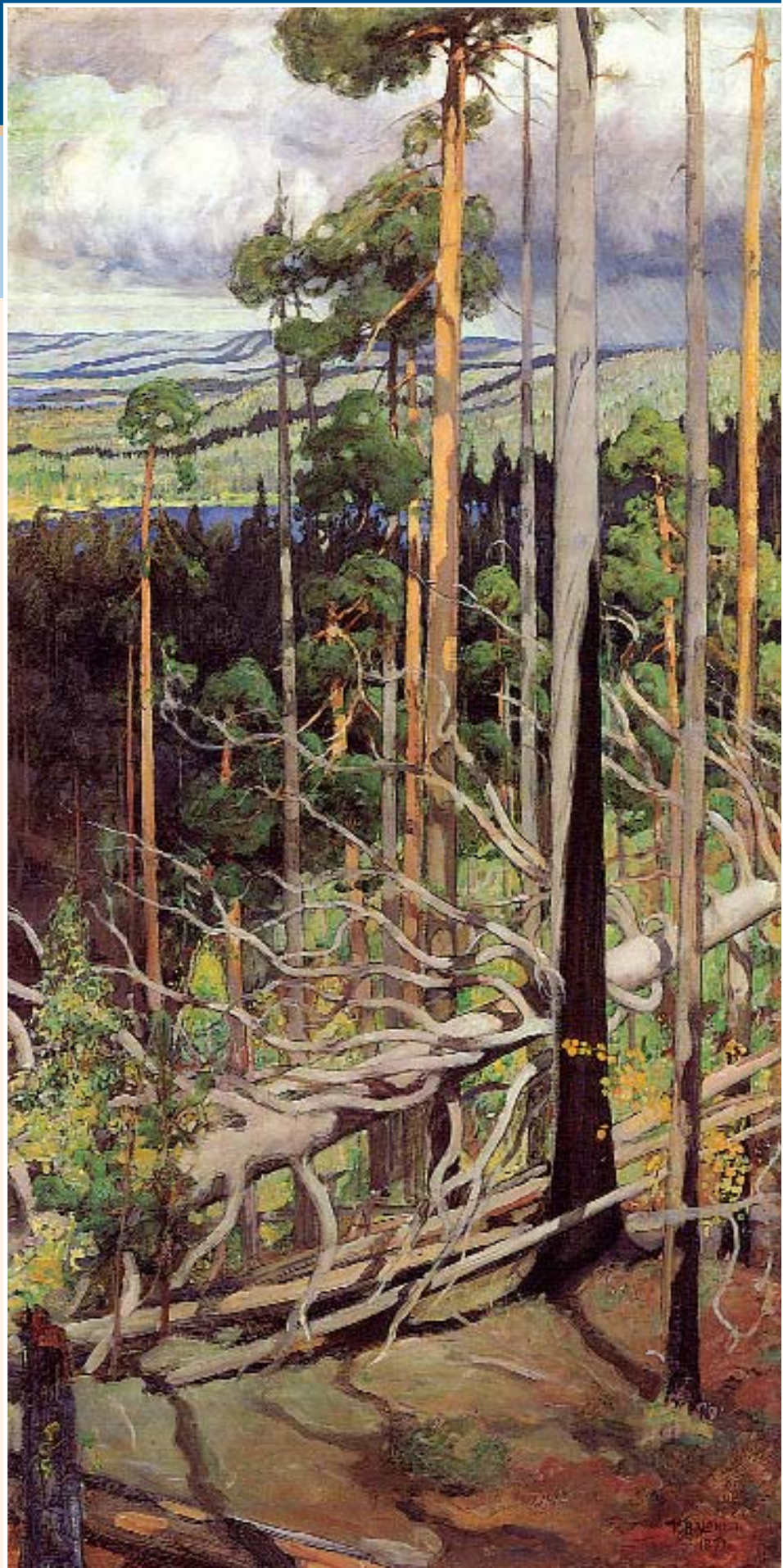
Художественный музей, Турку.

ней последующие певцы, и песня понемногу изменяется, однако в большей степени в отдельных выражениях и оборотах, чем по самому содержанию».

Следовательно, та народная поэзия, которую Лённрот нашел в Карелии, была результатом длительного творческого процесса. Это были плоды «поэтических посевов», которые, по выражению Лённрота, «с течением сотен, а возможно, и тысяч лет выросли и приумножились».

К сожалению, период высшего расцвета героико-эпических рун уже миновал к тому времени, когда Лённрот начал свою собирательскую деятельность. Почти все пожилые рунопевцы уверяли, что в их молодости певалось больше старых прекрасных рун, и сожалели, что большую часть из них они забыли. Архип Пергтунен чуть не заплакал от волнения, когда рассказывал Лённроту (в 1834 году) об увядании интереса к эпосу и уменьшении богатства рун: «Старых песен уже не любят так, как в моем детстве (т.е. в XVIII веке), когда их исполняли и на работе и на досуге... Если бы тогда кто-нибудь собирал эти руны, как вы теперь, он даже за две недели не успел бы записать хотя бы того, что знал только мой отец».

После поездки 1834 года мысль о едином эпосе, по мнению Лённрота, стало возможным воплотить. Лённрот обдумывал его построение, внутренние связи между рунами. Впоследствии Лённрот рассказал, что в целом придерживался того порядка построения рун внутри эпоса, который он находил у лучших рунопевцев. «Первая» или «Начальная Калевала» была готова в начале 1835 года. Предисловие к ней Лённрот подписал 28 февраля.

Маршруты путешествий Лённрота по Карелии в 1828-1842 гг.

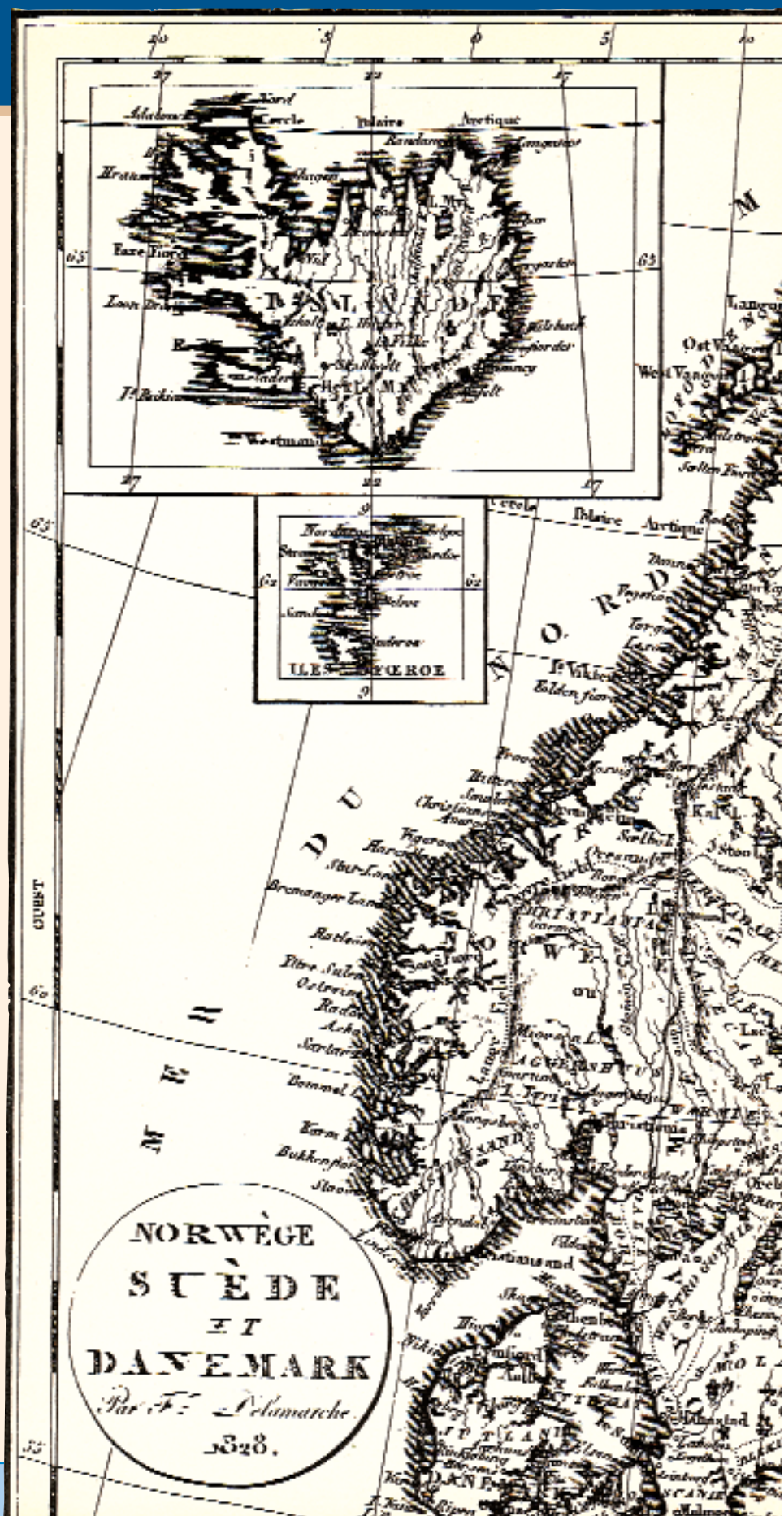
«КАЛЕВАЛА» – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЭПОС, СОЗДАННЫЙ ФИЛОЛОГОМ

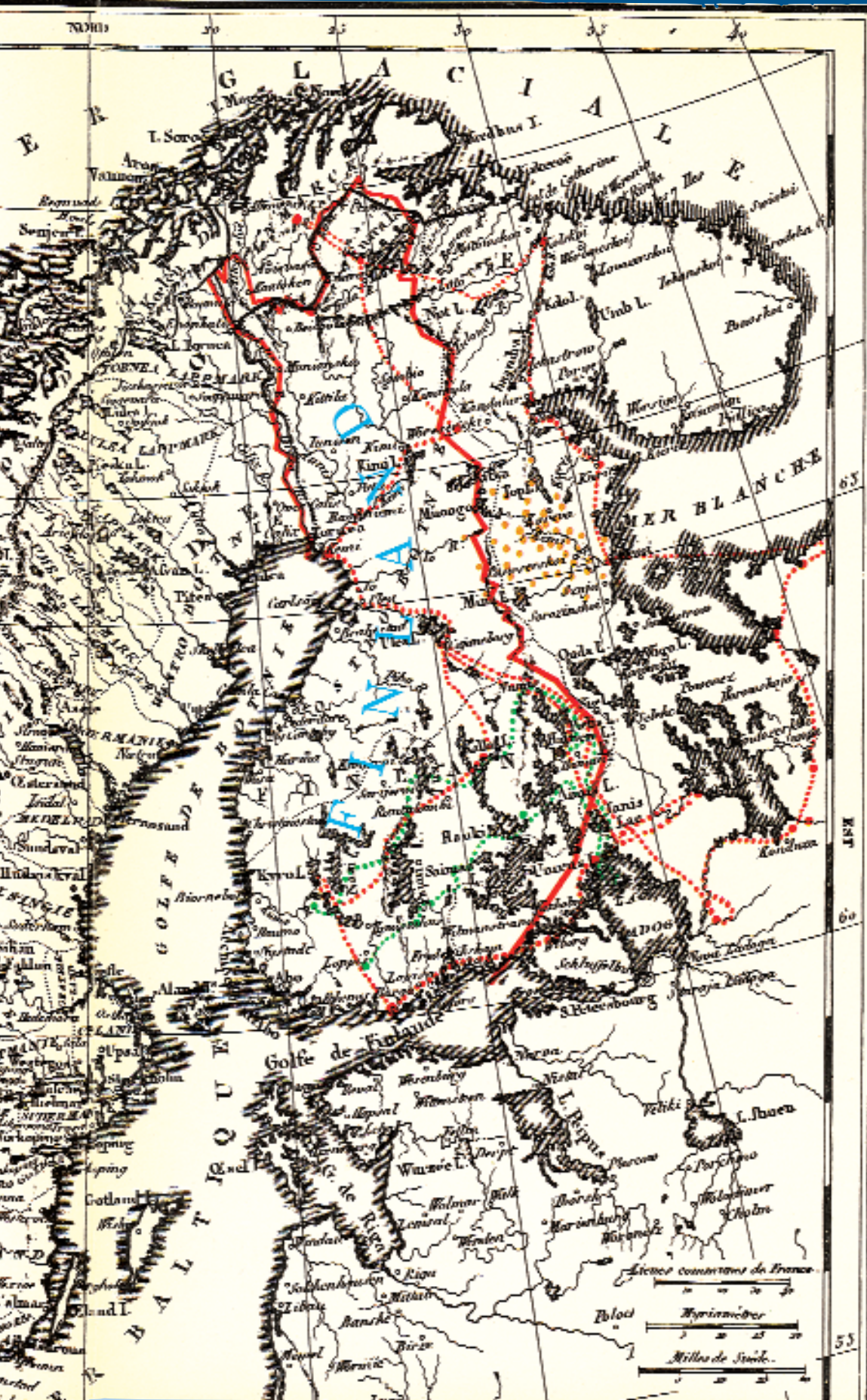
Выход в свет Калевалы не погасил собирательской страсти Лённрота. Он уже в апреле и октябре того же 1835 года продолжал свою работу в Беломорской Карелии. Настоящее большое путешествие за рунами он совершил в 1836-1837 годах, когда через Виену направился в Лапландию и, вернувшись оттуда, продолжил свой путь из Каяни на юг, в финляндскую Карелию.

Пример Лённрота воодушевил многих других на собирание народной поэзии. В XIX веке только в северной российской Карелии было собрано почти пять тысяч вариантов рун, записанных от семисот народных певцов. Однако лишь часть этих рун относится к тематике «Калевалы». В вышедшем в 1908 году в Хельсинки сборнике народных рун было опубликовано 1027 эпических рун на темы «Калевалы», собранных от ста певцов беломорской Карелии. Из этих рун Лённроту были известны около 450 вариантов (более половины собрано им самим). Кроме них, в его распоряжении было некоторое количество эпических рун, собранных в тогдашней финляндской Карелии и Ингерманландии¹, и большое количество лирических песен, свадебных напевов, заклинаний и заговоров, найденных как в российской, так и в финляндской Карелии.

Лённрот начал составлять новое расширенное издание «Калевалы». Оно появилось в 1849 году. В эту новую «Калевалу» Лённрот добавил целые циклы рун и внес изменения в большую часть текстов. Ставший каноническим текст «Полной» или «Новой Калевалы» состоит из 50 рун, 22 795 стихов (в издании 1835 года было только 32 руны, 12 078 стихов).

¹ Ингерманландия – земли, лежащие в долине реки Невы и по юго-восточным берегам Финского залива.

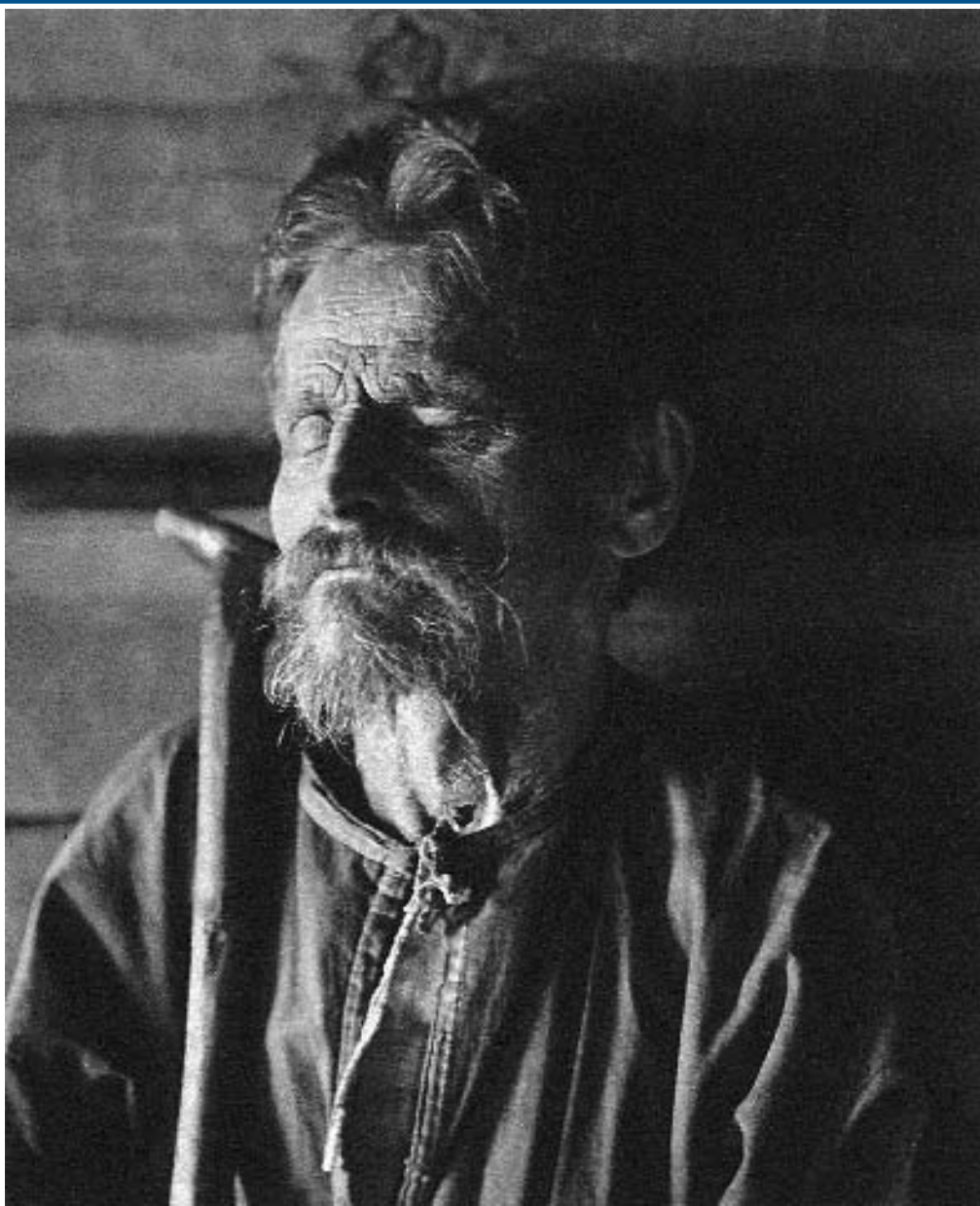

Внизу:
Деревня Вуоккинеми. Фотография И.К. Инха. 1894 г.
Финское литературное общество.

Справа: Михаил Перттунен, сын Архипа Перттунена.
Фотография И.К. Инха. 1894 г.
Финское литературное общество.

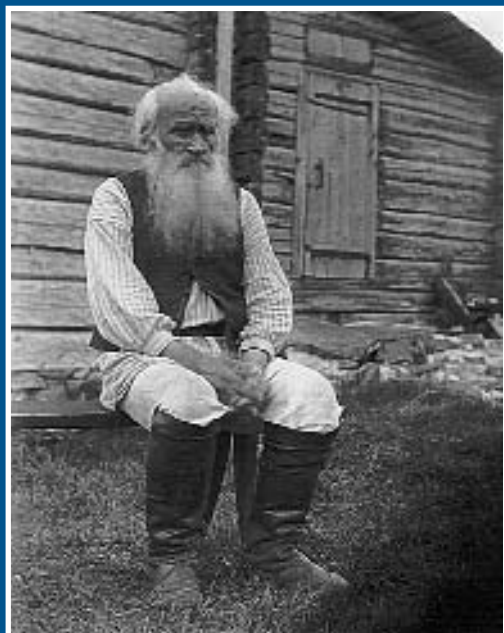

Старая «Калевала» была еще относительно близка к изначальным текстам исполнителей. В ходе составления новой «Калевалы» Лённрот отходил все дальше от первоначальных образцов.

Лённротовская методика создания уже первой версии «Калевалы» имела творческий характер, но позднее он достигает еще большей творческой свободы. Убедившись в том, что механическим соединением

Лённротовская методика создания уже первой версии «Калевалы» имела творческий характер, но позднее он достигает еще большей творческой свободы. Убедившись в том, что механическим соединением народных песен и сюжетов ничего не добиться, Лённрот начинает писать поэму народными строками, редактируя их, обогащая, в частности, аллитерацией.

Петри Шемейкка.
Фотография Самули
Паулахарью. 1907 г.

Народный сказитель Петри Шемейкка

20 июня 1935 года на площади Вяйнямёйнена в городе Сортавала в связи с торжествами, посвященными столетию со дня первого полного издания «Калевалы», всего за одну ночь была поставлена бронзовая скульптура, изображающая рунопевца Петри Шемейкка. Памятник был тайно перевезен из мастерской скульптора, Алпо Сайло, и установлен к 4 часам утра, своим внезапным для жителей города появлением как бы повторяя волшебство эпических рун.

Петри вел свою родословную от известного в Карелии рода Шемейкка, представители которого на протяжении многих столетий жили к северу от Ладожского озера, между деревнями Суйстамо и Суоярви. Одно время недалеко от озера Толвоярви была даже целая деревня Шемейкка, которая, согласно одной карельской легенде, появилась следующим образом.

«В начале семнадцатого века в олонечкой деревне Лаупасалми жила семья Хошконен. Глава ее, Михаил, был зачислен в «пашенные солдаты», он нес службу в одном из пограничных острожков. Богачи захватили его землю, и солдат сбежал в леса. Главой семьи стал его старший сын Семен. В поисках свободной земли семья ушла из родных мест, поселившись между Суйстамо и Суоярви. Семен стал Шеменом (местный выговор), а его род Шмягиними, затем – Шемейкками. Так образовалась целая деревня Шемейкка, где и родился Петри». По другим данным, предки Петри пришли в Шемейкка из Ребол, принеся с собой рунопевческие традиции.

Также не совсем ясно, когда родился Петри Шемейкка. По данным церковных книг Корписелька и Иломанси он появился на свет в деревне Шемейкка в 1821 году, а по записям церковной книги Суйстамо – в 1825 году. В голодные 1867-1868 годы дом Шемейкка так обеднел, что его пришлось продать, а все имущество семьи поместилось в одну большую лодку, на которой Петри перевез его в соседнюю деревушку Контро. В 1880 году Петри купил дом в Мусусваара и привез туда шесть дойных коров, телят и лошадь. В 1894 году Петри переехал в большой дом в Ристиваара волости Туупуваара, близ села Ёллёля (коммуна Вяртсиля в Финляндии), где и прожил до конца своей долгой жизни.

Петри Шемейкка смолоду был крепким широкоплечим мужчиной с густой бородой и открытым честным взглядом. Еще живя в деревне Шемейкка, Петри носил по дороге до Ялонваара за 40 верст большую корзину рыбы весом в 40 кг и приносил назад столько же муки и соли. Одно время он подрабатывал на

народных песен и сюжетов ничего не добиться, Лённрот начинает писать поэму народными строками, редактируя их, обогащая, в частности, аллитерацией. Прекрасно зная особенности народной поэзии, помня разного рода готовые строки – клише, формулы, выработанные веками народной традицией, он создавал эпизоды и конфликты, которых в народной поэзии не было.

Свой метод Лённрот обосновывал так: *«я считал, что обладаю тем же правом, которым, по моему убеждению, многие рунопевцы считали себя обладавшими, а именно правом располагать руны в том порядке, в котором они лучше всего укладываются одна относительно другой, или говоря словами руны: «Сами сделались певцами, сотворились знахарями», т.е. я счи-*

Свой метод Лённрот обосновывал так: «я считал, что обладаю тем же правом, которым, по моему убеждению, многие рунопевцы считали себя обладавшими, а именно правом располагать руны в том порядке, в котором они лучше всего укладываются одна относительно другой, или говоря словами руны: «Сами сделались певцами, сотворились знахарями», т.е. я считаю себя не менее хорошим рунопевцем, чем они сами».

добыче озерной железной руды, занимался земледелием. Однако основным занятием Петри была охота. За всю свою жизнь он добыл около 400 оленей (тогда в приладожских лесах водилось много оленей), 26 медведей, большое количество выдр, лис, соболей, росомах. С охоты он никогда не возвращался без добычи. Необыкновенную удачливость Петри в народе объясняли тем, что кто-то из его предков побывал в Лапландии у саамов и там выучил заклинания, имеющие большую магическую силу. Охотился Петри с ружьем, на лыжах. Однажды Петри свалился в медвежью берлогу, и тогда пришлось стрелять зверю прямо в лоб. Зимой Петри изготавливал сети, мерёжи, мёрды, готовясь к весеннему лову рыбы.

Руны Петри знал с детства, слышал их от деда и отца. Большая часть рун была заклинательного характера, с помощью которых рунопевец помогал людям от недуга, охотился, работал. Петри стал знаменит благодаря своей колоритной, мифической внешности певца-охотника, схожей с образом калевальского Вяйнёмейнена, а также благодаря прекрасной игре на кантеле. Петри Шемейкка был символом, в облике которого отражались все черты восточных карел конца XIX – начала XX века. По мнению современников, было необычно видеть, как этот охотник клал на колени кантеле и заскорулыми, кривыми от тяжелой работы пальцами начинал перебирать струны, изливавшими мелодичную музыку, под которую начинала литься песня, рассказывающая о героическом прошлом карельского народа.

Ученый Я.К. Янха, встречавший Петри Шемейкка во время путешествия по Приграничной Карелии в 1890 году, писал: «Это был королевского вида, еще не старый, крепкий мужчина, на голову выше остальных. Во дворе старого дома было организовано представление. Петри пел, а Ливана Шемейкка (его брат) играл на кантеле. Заходящее солнце освещало бронзовые щеки Петри, и вся обстановка оставила незабываемое впечатление уходящего героического прошлого».

В 1892 году в Иломантси с Петри Шемейкка встретился финский композитор Ян Сибелиус, который сразу же после этого написал несколько музыкальных пьес, среди которых – знаменитая симфония «Сказка», где ярко звучали карельские мотивы.

В 1896 году Петри Шемейкка участвовал в первом Всефинляндском песенном празднике в Сердоболе, в 1900 году – на Песенном фестивале в Хельсинки. После этого он стал известен, и к нему в Ристиваара потянулись столичные гости – писатели, художники, которые восхищались колоритной фигурой старого рунопевца. Еще раз публично Петри выступал на очередном празднике песни в Сердоболе в 1906 году. Тогда он вновь поразил всех своей внешностью, напоминавшей мифического Вяйнёмейнена, и мастерством исполнения рун.

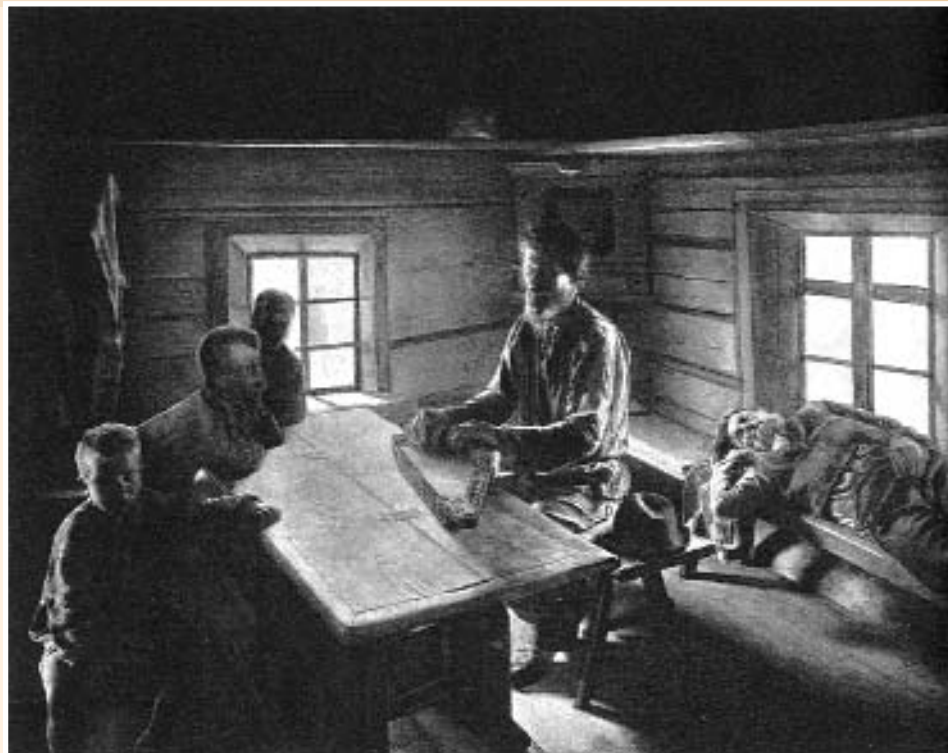
Последние годы жизни Петри был слеп. Злые языки говорили, что Петри ослеп из-за того, что весь род рунопевца и сам он были связаны с «нечистой силой», которая помогала Шемейкка добывать зверя. Так слепота заставила лучшего охотника края на девятом десятке прекратить занятия основным ремеслом, а пение рун и игра на кантеле успокоили его охотничий пыл. Говорили, что Петри ослеп на озере, во время рыбалки – его лодку нашли на середине озера, крутящуюся на одном месте, старик почти ничего не видел. Несмотря на знание древних языческих песен-рун Петри и члены его семьи были православными. Они ходили в церковь, крестились, входя в дом и садясь за стол, строго соблюдали посты. К концу XIX века древние карельские руны, песни, заговоры и заклинания уже практически не несли в себе мистического содержания, как это было столетия назад, а стали частью карельской культуры, народного творчества. Хотя в деревнях все же находились люди, которые продолжали верить в магическую силу карельских рун и заклинаний.

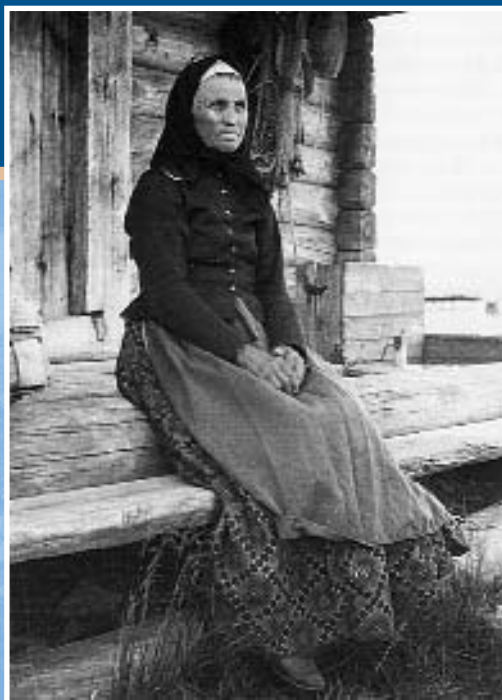
Внизу:

Ливана Шемейкка играет на кантеле. Фотография И.К. Инха. 1894 г.
Финское литературное общество.

таю себя не менее хорошим рунопевцем, чем они сами».

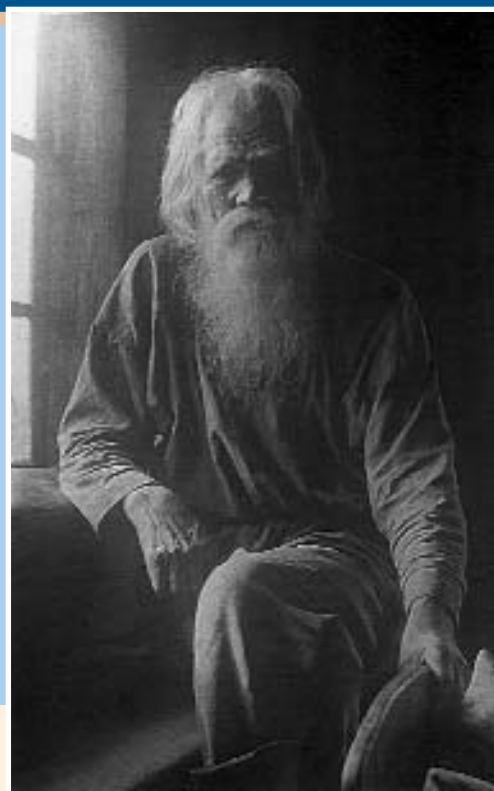
При таком подходе к народному материалу видоизменялись не только сюжеты, но и портреты персонажей. Они все более индивидуализировались, за ними закреплялись определенные деяния. Вяйнёмейнен в «Калевале» – искусный певец, смастеривший кантеле, сперва из щучьих костей, потом из ствола березы, Илмаринен – умелый кузнец, сковавший чудесную мельницу сампо «из конца пера лебедки, молока коровы ялой, из зерниночки ячменной, из пушинки летней ярки». Лемминкяйнен – беспечный вояка, любимец женщин, приходящий на чужие пиры без приглашения, Лоухи – умная и хитрая хозяйка страны, куда ездят герои за невестами и откуда похищают Сампо. Трагической фигурой в поэме Лённрота становится Куллерво – раб-мисти-

Слева:

Степание Лесонен, внучка исполнителя рун Варахвоннта Сиркейнена. Деревня Венехъярви, 1915 г. Фотография Самули Паулахарью.

Справа:

Римми Ульяска (его черты угадываются в Вяйнямёйнене Галлен-Каллелы из его триптиха «Айно»). Фотография Самули Паулахарью. 1915 г.

тель, натравивший на жену Илмаринена стаю медведей и волков и кончающий жизнь самоубийством за свой тяжкий грех (связь с девушкой, которая оказывается его сестрой). Не менее трагична судьба Айно – девушка настолько глубоко переживает

решение родителей отдать ее замуж за старого Вяйнямёйнена, что уходит к морю и там гибнет, возможно, не желая этого.

Айно, пожалуй, самый поэтический образ в лённротовской поэме. Он во многом – плод фантазии создателя «Калевалы». Само имя Айно («единственная») придумано Лённротом. Толчком для создания образа стали варианты народной баллады, записанные в деревнях северной Карелии (Ухта, Вуоккиниemi, Келлонаара). В них рассказывается о девушке Анни, которую мать обнаруживает мертвой в амбаре после того, как к ней посватался Осмойнен. Лённрот делает Айно сестрой Йоукахайнена, который проигрывает состязание в пении с Вяйнямёйненом, и чтобы спасти свою жизнь, обещает в жены Вяйнямёйнену свою сестру Айно. На гибели Айно сюжет о ней не кончается. Он переводится в мифологический план. Народный сюжет о рыбе-девушке, попавшей на удочку одного из эпических героев (Илмаринена, Лемминкяйнена, Вяйнямёйнена), подсказы-

Матшой Платтонен, исполнительница рун из Суоярви (Приладожье). Фотография А.О. Вяйсянен. 1917 г.

Группа рунопевцев, плакальщиц и музыкантов, играющих на кантеле во время фестиваля в Сортавала, Карелия. Фотография 1906 г. Финское литературное общество.

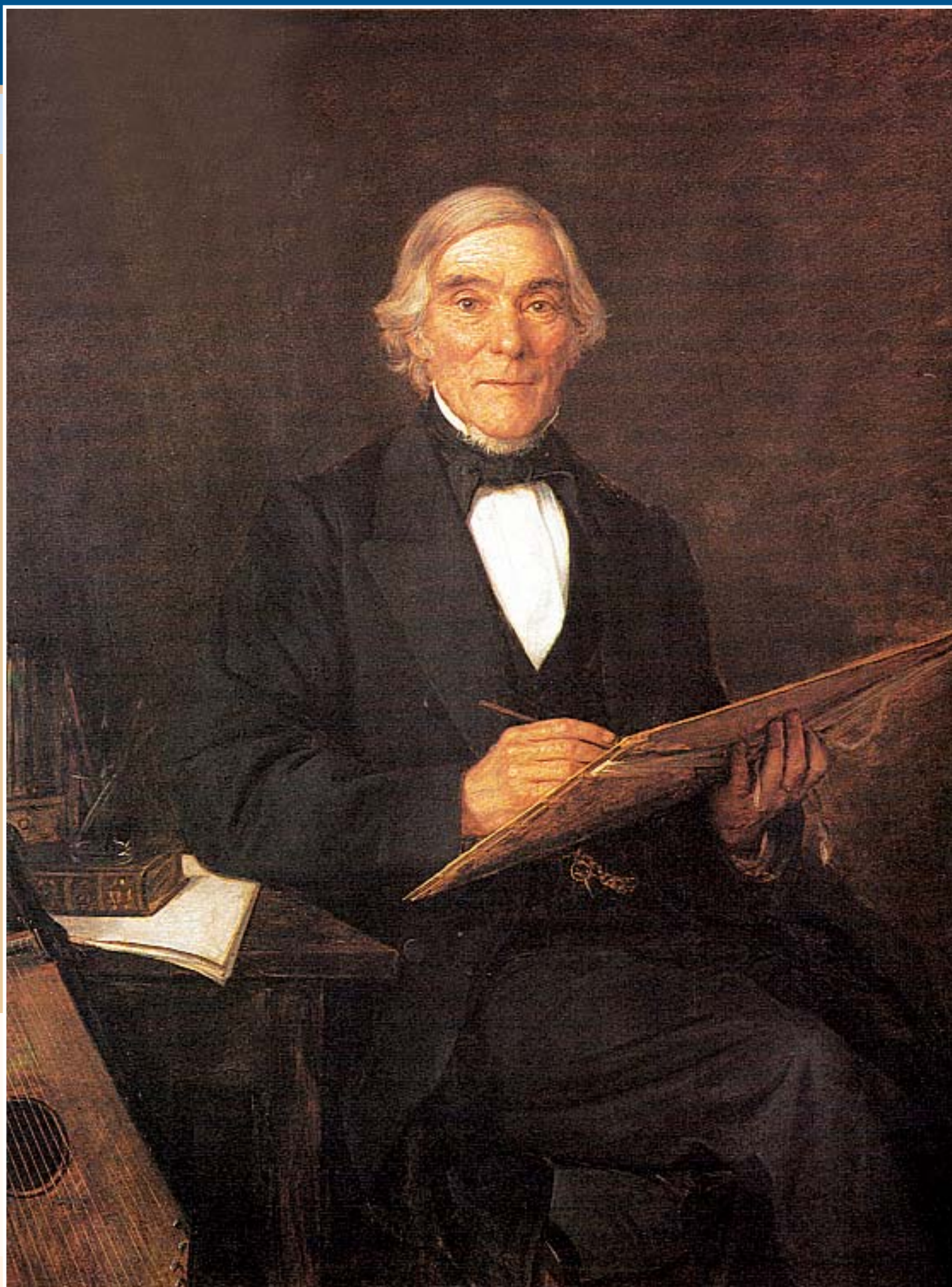
вает Лённроту продолжение истории об Айно. Вяйнямёйнен, почувствовав вину перед девушкой, выезжает на лодке с удочкой в море, ловит рыбу, но не узнает в ней утонувшую по его вине Айно. Все эти драматические коллизии дают завязку сюжета поэмы, образуют первоначальную пружину ее напряженности. Айно, ставшая по воле Лённрота сестрой Йоукахайнена и погубленная Вяйнямёйненом, дает повод ее брату мстить Вяйнямёйнену. В свою очередь будущий «король» Карелии упрекает его в том, что Вяйнямёйнен заставлял девиц топиться.

Вообще, благодаря Лённроту у героев «Калевалы» появляется прошлое, настоящее и будущее. Но у «Калевалы» есть и главный, «сквозной» конфликт, который также разработан Лённротом: это противостояние двух родов, двух стран, Похьёлы и Калевалы, борьба между ними за обладание Сампо.

Разумеется, и в народной поэзии карелов и финнов существуют «свой» и «чужой» миры. Но их взаимоотношения изображаются в пределах конкретной песни; герой едет в «тот» мир, чаще за невестами или без приглашения на свадьбу, отрубает голову хозяину и т.д. В песнях нет никакой истории длительных взаимоотношений. Нет в народных песнях и конкретных очертаний «этого» мира, той лённротовской страны Калевалы, главными представителями которой были Вяйнямёйнен, Лемминкяйнен, Илмаринен. Да и Похьёла (Пяйвела, Пиментола, Луотола, Хийтола, Сариола, Юмалисто) все-таки в народных песнях не совсем та «страна», которая появляется в поэме Лённрота и в которой властвует хозяйка Лоухи.

Всего Лённрот совершил 11 поездок по Карелии (финской и русской, 1828-1842 гг.),

Вообще, благодаря Лённроту у героев «Калевалы» появляется прошлое, настоящее и будущее. Но у «Калевалы» есть и главный, «сквозной» конфликт, который также разработан Лённротом: это противостояние двух родов, двух стран, Похьёлы и Калевалы, борьба между ними за обладание Сампо.

← Портрет Элиаса Лённрота.
Худ. Бернхард Рейнхольд. 1872 г.

Элиас Лённрот с женой и детьми.
Фотография начала 1860-х гг.

в том числе по территории восточной и частью северной современной Карельской республики (в 1832-1837 гг., 1841-1842 гг.) Эти путешествия он совершал пешком, с ружьем и сумой за плечами, или в лодке как фольклорист и лингвист, однако его путевые записи – дневники и заметки, большей частью опубликованные, содержат обилие сведений географических и краеведческих: о путях и способах передвижения, ландшафте, озерах, реках, селениях, населении, его быте и промыслах, экономическом положении, обычаях, состоянии врачебной помощи и т. д. Некоторые из его краеведческих наблюдений, особенно бассейна Верхней Кеми, не утратили своего познавательного значения.

В последнее путешествие по Карелии Лённрот поставил задачу филологического исследования карельских диалектов и собирания материалов для большого шведско-финского словаря. Помимо «Калевалы» и словаря Элиас Лённрот также опубликовал ряд сборников фольклора: «Финские народные пословицы» (1842 г.), «Финские загадки» (1844 г.), «50 рун Пааво Кархонена» (1848 г.), «Старинные финские заклинания» (1880 г.). Как врач и естествовед Лённрот издал книги «Домашний врач финского крестьянина» (1839 г.) и «Флора Финляндии» (1860 г.).

В 1841-1842 годах Лённрот вместе с М. Кастреном совершил большую этнографо-лингвистическую поездку по Лапландии. В ученом мире своей страны Лённрот считался крупным специалистом в области финского языка и фольклора. В 1853 году Лённрот был приглашен на должность профессора финского языка и литературы в Гельсингфорский университет. Оставив

эту должность в 1862 году, Лённрот уехал в родную деревню Самматти, где и скончался в возрасте 82 лет. В 1876 Ленрот был избран почетным членом Петербургской академии наук.

Личная жизнь Элиаса Лённрота была трагической. Он поздно женился – в 1849 году, когда ему было уже 47 лет. Его сын умер в младенчестве. Старшая дочь умерла в 22 года от воспаления легких. В восемнадцатилетнем возрасте скончались две младшие дочери, одна от туберкулеза, другая – от дифтерии. Жена умерла от туберкулеза в 1868 году. Элиас Ленрот, врач, спасший не одну жизнь, оказался бессильным, когда страшные для того времени болезни посетили его семью. И это не все несчастья, которые ему пришлось пережить. Его приемный сын покончил жизнь самоубийством из-за несчастливой любви. Ленрот, кроме того, стал свидетелем гибели своего племянника. Он плыл с ним в лодке по порожиистой реке. Лодка перевернулась, он сам с трудом выбрался на берег. Последние годы жизни его опорой была средняя дочь Ида, которая после смерти отца в 1884 году навсегда уехала в Италию.

В 1841-1842 гг. Лённрот вместе с М. Кастреном совершил большую этнографо-лингвистическую поездку по Лапландии. В ученом мире своей страны Лённрот считался крупным специалистом в области финского языка и фольклора. В 1853 г. Лённрот был приглашен на должность профессора финского языка и литературы в Гельсингфорский университет.